

УДК 94(497.1-2):323/324

doi 10.17072/2219-3111-2025-3-132-140

EDN: RCSEDV

ASJC 1202

ГРНТИ 03.23.55

Ссылка для цитирования: Гусев Н. С. М. А. Осоргин – собственный корреспондент «Русских ведомостей» в Болгарии в 1912 году // Вестник Пермского университета. История. 2025. № 3(70). С. 132–140. DOI: 10.17072/2219-3111-2025-3-132-140. EDN: RCSEDV.

М. А. ОСОРГИН – СОБСТВЕННЫЙ КОРРЕСПОНДЕНТ «РУССКИХ ВЕДОМОСТЕЙ» В БОЛГАРИИ В 1912 ГОДУ¹

Н. С. Гусев

Институт славяноведения Российской академии наук, 119334, Россия, Москва, Ленинский пр-т, 32А
kingusevns@yandex.ru

Researcher ID: T-4935-2017

SPIN-код: 9610-7186

Осенью 1912 г. Болгария, Сербия, Греция и Черногория объявили войну Османской империи; разразилась Первая балканская война. В России это вызвало большой резонанс, и многие издания направили на полуостров своих корреспондентов. Одним из них был сотрудник газеты «Русские ведомости» Михаил Осоргин. Уже в сентябре 1912 г. через Сербию он прибыл в Болгарию, где намеревался лицезреть исторические события мирового масштаба. Однако реальность оказалась удручающей: жесткие ограничения цензуры поместили журналистов в информационный вакуум. Осоргин был вынужден жить в нескольких прифронтовых городах, но увидеть фронт сумел лишь единожды, причем, и это было редкой удачей. В работе прослеживаются перемещения писателя по полуострову, приводятся детали быта, демонстрируются его взгляды. Статья основывается на впервые вводимых в научный оборот двух источниках – статьях и телеграммах Осоргина, опубликованных в «Русских ведомостях» в 1912 г., а также ранее неизвестном, хранящемся в архиве личном дневнике писателя, который он вел на протяжении поездки. Их дополняют поздние воспоминания и статьи в других изданиях того времени. Такой набор разноплановых источников позволил выявить степень откровенности автора в его публикациях, а также впервые документально проследить поездку и исправить недочеты предшественников, опиравшихся только на беллетризированные воспоминания Осоргина. Особую значимость имеет тот факт, что упомянутый дневник – единственный выявленный документ такого рода, созданный русским корреспондентом в Болгарии во время Первой балканской войны. На примере поездки Осоргина можно проследить реальные условия, в которые были поставлены представители прессы, активно влиявшие на общественные настроения в России осенью 1912 г.

Ключевые слова: Михаил Осоргин, Балканские войны, Болгария, военная журналистика, «Русские ведомости», славянская идея.

Михаил Андреевич Осоргин – представитель той части русской культуры, которая долгие годы на родине игнорировалась. Его окончательный отъезд в эмиграцию и неприятие советской власти обусловили забвение в СССР, хотя до революции писатель и публицист Осоргин был хорошо известен. В последние три десятилетия интерес к его фигуре и творчеству возродился. Его произведения стали переиздаваться (*Осоргин*, 1989а, 1989b), проводились [Михаил Осоргин: жизнь и творчество..., 1994; Михаил Осоргин и вечные ценности..., 2003; Михаил Осоргин: художник и журналист..., 2006] и проводятся (Осоргинская конференция..., 2018) тематические Осоргинские чтения, появились и специальные исследования [Лобанова, 2002; Семенов, 2003; Нестерова, 2009; Богданова, 2013].

Тем не менее в его биографии по-прежнему остаются слабоизученные эпизоды. К таким относится его поездка в Болгарию для освещения Первой балканской войны в качестве корреспондента газеты «Русские ведомости». Ряд исследователей затрагивали эту тему при написании биографии писателя, отдельную статью ей посвятила Н. В. Нестерова [Нестерова, 2004].

Однако во всех случаях авторы опирались на мемуары Осоргина, опубликованные спустя годы после поездки. В них содержатся как неточности, так и элементы литературного вымысла². Поэтому, в отличие от предшественников, мы не склонны считать такую базу «вполне репрезентативной» [Там же, с. 364], повторять ошибки мемуариста или множить их, запутываясь в хронологии и перипетиях художественных образов.

Существуют более достоверные источники – корреспонденции самого Осоргина в газетах и журналах того времени и, что наиболее ценно, личный дневник писателя, который он вел во время нахождения в Болгарии. Этот документ ранее не был введен в научный оборот, писатель его упомянул в очерке «На маленькой войне», впервые опубликованном в газете «Последние новости» в 1933 г. Осоргин тогда написал, что перелистывает эту «тетрадоchку, где записано много встреч, бесед, интервью с людьми, попавшими в историю и энциклопедические словари» (Осоргин, 2007, с. 531). Но уже в 1940 г. архив писателя был конфискован в Париже немецкими властями, искавшими документы о масонском движении. Позднее эти бумаги были спрятаны в лесах Чехии, а в конце войны они попали в руки советских властей и были перевезены в Москву, где их передали на хранение в нынешний Российский государственный архив литературы и искусства [С двух берегов..., 2002, с. 421]. Там и поныне находится дневник о поездке на Балканы. Опираясь на данные источники, мы постараемся проанализировать путь Осоргина в 1912 г. и особенности освещения им Первой балканской войны.

Михаил Андреевич родился в 1878 г. в Перми в семье столбовых дворян Ильиных. Уже в гимназические годы его первые писательские опыты были опубликованы в газете «Пермские губернские ведомости» и «Журнале для всех». Это определило желание стать писателем. В годы учебы на юридическом факультете Московского университета он продолжал печататься в уральских газетах и уже тогда проявил свою активную общественную позицию, приняв участие в студенческих волнениях. Однако это повлекло годичную высылку из Москвы. Впрочем, завершив образование и занявшись юридической практикой, он не отошел от своих идеалов и накануне Первой русской революции вступил в партию эсеров. В 1905 г. Осоргин принял участие в московском вооруженном восстании, после чего попал в тюрьму. Ему грозила ссылка в Сибирь, однако несогласованность действий полиции позволила ему через пять месяцев выйти под залог, а затем бежать в Италию, где он и обрел постоянное пристанище [Семенов, 2003, с. 44]. Там он постепенно отошел от эсеров и все больше внимания стал уделять писательской и журналистской работе, постоянно публикуясь в авторитетной московской газете «Русские ведомости». Именно в ней были напечатаны два цикла статей о Балканах.

Первое знакомство Осоргина с полуостровом произошло в 1911 г. Он направлялся на Съезд славянских журналистов в Белграде, решил заодно сделать крюк и посетить Болгарию. Однако по дороге он подхватил малярию и болгарскую столицу в основном наблюдал из окна больницы. Впрочем, это не повлияло на его теплое отношение к болгарам. Страна показалась ему симпатичнее и ближе к России, нежели Сербия. Но в то же время он, во многом вторя своим предшественникам – русским журналистам, дал негативные оценки болгарской периодической печати и политическим элитам (Осоргин, 1911a). Отдельную статью он посвятил русофильству болгар, снижение уровня которого связал с отсутствием у России целенаправленной славянской политики (Осоргин, 1911b). Осоргин оценил живописность болгарской столицы, рассказал о местных поэтах. Правда, при этом с нотой сарказма выразил удивление от того, что существует «поэзия на языке, где артикль “то”, “та”, “те” ставится сзади слова» (Осоргин, 1911c). 27 июня 1911 г. он покинул Софию, чтобы вернуться туда через год.

Осенью 1912 г. началась Первая балканская война. Союзные Болгария, Сербия, Греция и Черногория выступили против Османской империи, намереваясь освободить полуостров от власти турок и распределить между собой эти территории. В России данные события вызвали бурную реакцию. Газеты увеличили тиражи и выделили специальный раздел о войне на Балканах. По стране читались лекции о прошлом и настоящем этого региона, велся сбор пожертвований и гуманитарной помощи. На сам полуостров отправились добровольцы и отряды Красного Креста. Несколько мотивов восприятия событий обусловили их популярность. Во-первых, казалось, что происходит завершение русского дела по освобождению православных народов

Балкан. К такому пониманию процессов примыкал и мотив борьбы христианства с исламом. Во-вторых, эти события виделись и как триумф славянства, поскольку ведущей силой Балканского союза были болгары и сербы. При этом, правда, меньше внимания уделялось Греции, а противостояние рассматривалось в первую очередь как борьба славянства с германизмом, стоящим за спиной турок. В-третьих, представлялось, что балканские государства олицетворяют в себе прогресс и свободу и сбрасывают с населения полуострова оковы рабства и архаики. В итоге победы балканских народов вызывали симпатию среди различных слоев общества и воспринимались как тектонический сдвиг в мировой истории [Гусев, 2020, с. 146–164].

Естественно, центральные российские издания стремились освещать эти события, имея эксклюзивную информацию, и направили на полуостров своих корреспондентов. Среди них были и военные, и гражданские лица, и фигуры довольно масштабные – патриарх российской военной журналистики Вас. И. Немирович-Данченко, писатель Е. Н. Чириков, а также тогда еще главным образом публицисты А. А. Деренталь-Дикгоф и Л. Д. Троцкий. Большинство стремилось в Болгарию, поскольку очевидным было, что судьба всей войны разрешится именно в ходе противостояния во Фракии, в непосредственной близости от Константинополя – там, где сосредоточились крупнейшие силы Болгарии и Османской империи. Исключением не был и М. А. Осоргин.

Неизбежность войны осознавалась еще в сентябре 1912 г., хотя между правительствами шел обмен формальными дипломатическими нотами. Однако это мало кого обманывало, и корреспонденты старались успеть прибыть на полуостров до объявления войны. Из России они ехали как правило по железной дороге через Вену до Белграда, где вступали на земли, дышащие готовностью к войне. М. А. Осоргин добирался из Италии, но тоже через Австро-Венгрию. 22 сентября он покинул Рим, предвкушая, что своими глазами увидит начало изменений мирового масштаба: «Балканские события могут начать собой эру величайших европейских событий, которыми определится вся история нашего века» (Осоргин, 1912l). 27 сентября он приехал в находящийся на австрийско-сербской границе Землин, а на следующий день пересек Дунай и оказался в Белграде. «Только здесь я понял, что война совершенно неизбежна», – сообщил он читателям. По его мнению, никакая дипломатия не смогла бы удержать порыв народа. Два часа он провел в сербской столице и отправился далее в Софию (Осоргин, 1912i).

Там 30 сентября он написал первую развернутую корреспонденцию из Болгарии. Всего за девять дней в Софии он подготовил пять развернутых статей и отправил три телеграммы. В болгарской столице его удивило деловитое настроение населения. Он ждал повторения «помпезности и мишуры», распространившихся в Италии во время войны с Турцией 1911–1912 гг., а увидел народную войну (Осоргин, 1912k), при этом отметил, что, в отличие от итальянцев, у болгар «не заметно ни тени того национального бахвальства» (Осоргин, 1912r). Вместе с другими представителями газет он подписал воззвание к русскому обществу с просьбой о гуманитарной помощи (Телеграммы, 1912a) и отправил статью «К русским врачам», в которой рассказал о критической нехватке медиков в Болгарии и выразил надежду на отклик со стороны русских коллег (Осоргин, 1912e). Тогда же началось его знакомство с болгарской цензурой. В первой же статье он отметил, что она «страшно строга» (Осоргин, 1912k), затем уделит ей отдельную статью (Осоргин, 1912n) и спустя неделю признал, что в условиях ограничения информации «началась путаница правды, вымысла и слухов» (Осоргин, 1912r). На это тогда обратили внимание едва ли не все коллеги Осоргина. В частности, Вас. И. Немирович-Данченко писал: «Выигрывались и проигрывались сражения, сдавались и брались крепости и города, когда армии еще только перешли границу» (Немирович-Данченко, 1913, с. 22). В таких условиях журналисты откровенно скучали. «Корреспонденты бродят с телеграфа в кафе “Болгария”, оттуда в casino и опять на телеграф. Все “рвутся в бой”», – зафиксировал в дневнике Осоргин (РГАЛИ. Ф. 1464. Оп. 2. Ед. хр. 29. Л. 4).

Однако уже вскоре представителям прессы позволили переехать в Стара-Загора, где располагался Главный штаб армии. 9 октября Осоргин отправил оттуда телеграмму о находившихся там турецких пленн³, этим днем датировал статью о дороге в этот «живописный, оригинальный» город, где война не чувствовалась (Осоргин, 1912t). В дневнике же он записал: «Мой

Бог! Я так устал, что не рассчитываю совсем писать сегодня. А есть о чем!» (РГАЛИ. Ф. 1464. Оп. 2. Ед. хр. 29. Л. 4).

В Стара-Загоре, по свидетельству другого журналиста, «гостиницы поражали своей убогостью и неряшливостью» (Мамонтов, 1913, с. 48). Но Осоргин устроился довольно комфортно – на частной квартире, хозяин которой отказался брать с него деньги (РГАЛИ. Ф. 1464. Оп. 2. Ед. хр. 29. Л. 5), в чистой красивой комнате с «великолепным ореховым письменным столом, диваном в восточном стиле, пружинной постелью, крытой одеялом розового шелка» (Осоргин, 1912и). Писателя сопровождал личный ординарец Григорка, наполовину русский, наполовину болгарин по происхождению (Осоргин, 1912j), правда, собственным пьянством несколько дискредитировавший Осоргина⁴.

Такие условия редко окружали военных корреспондентов, здесь большую роль играло особое отношение к русским, о чем упоминали и другие корреспонденты (Мамонтов, 1913, с. 51, 108; Чириков, 1913, с. 38), и сам Осоргин (Осоргин, 1912с, 1912п, 1912q, 1912s, 1913b). Позднее он вспоминал, что местный комендант позволил ему выбрать в подарок лучшую из реквизированных лошадей, а на вопрос о том, как же будут обходиться другие представители прессы, ответил: «Нам не до других, а вы – русский» (Осоргин, 2007, с. 526). Правда, в дневнике писатель отметил, что лошадей было четыре, их получили и другие русские журналисты (РГАЛИ. Ф. 1464. Оп. 2. Ед. хр. 29. Л. 5). Корреспондент «Русских ведомостей» свою назвал в честь газеты «Русвед» (Осоргин, 1912р; Осоргин, 2007, с. 527).

Но более всего радовала Осоргина возможность получать информацию напрямую от местного населения. Уже в первые дни он записал в дневнике рассказы о подготовке населения к мобилизации и войне, о воодушевлении, с которым они были встречены. Тогда же он зафиксировал и информацию о пленных, которых казнили из соображений экономии провианта. Узнав об этом, царь Фердинанд якобы сказал адъютантам: «Хорошо, что здесь нет иностранцев» (РГАЛИ. Ф. 1464. Оп. 2. Ед. хр. 29. Л. 5–12). Впрочем, приводя эти сведения, писатель с горечью отметил, что «увы, нельзя воспользоваться ими для печати» (Там же. Л. 5).

Потому в статьях из Стара-Загоры Осоргину оставалось лишь жаловаться, что «не велика радость – сменить столицу на полудеревню, оставаясь по-прежнему даже не в тылу армии, а на почтительном расстоянии даже от тыла», и рассуждать о влиянии войны на экономику и культуру (Осоргин, 1912s).

Однако уже спустя несколько дней корреспонденты переехали ближе к фронту, в недавно освобожденный турецкий город Мустафа-пашу. Здесь условия оказались значительно хуже. Писатель Е. Н. Чириков его хлестко охарактеризовал как «сплошную Венецию из грязи», где на улицах телеги утопают в грязи по оси колес (Чириков, 1913, с. 130). По словам Осоргина, представители печати жили «впроголодь», «небольшой, довольно шумной, но очень дружной корреспондентской компанией» (РГАЛИ. Ф. 1464. Оп. 2. Ед. хр. 29. Л. 15). О жилье пришлось позаботиться самим – выбить дверь в одном из брошенных домов, разбитую форточку заткнуть фуфайкой (Осоргин, 2007, с. 526–527). К тому же стала чувствоваться изоляция от источников неофициальной информации, и уже на второй день в Мустафа-паше Осоргин отметил в дневнике: «Безумно скучно, обычно, противно» (РГАЛИ. Ф. 1464. Оп. 2. Ед. хр. 29. Л. 16). По словам его коллеги, там лучше всех себя чувствовал беллетрист Н. Н. Брешко-Брешковский, который, сидя в городе, строчил такие красочные описания невиданных им боев, что цензура лишь восхищенно восклицала: «О, если бы все так писали, как вы!» (Мамонтов, 1913, с. 60).

Осоргин же иначе относился к своей профессии и томился от безделья. На тринадцатый день в Мустафа-паше он записал: «Был на позициях три раза, был однажды в бою (25-го окт.). И опять скучно. Обращение с корр[еспондент]ами скотское. <...> Штаб же держит нас в идиотском положении. Не хочется писать, а то мог бы получить любопытный дневник. Скучно, хочется домой» (РГАЛИ. Ф. 1464. Оп. 2. Ед. хр. 29. Л. 16–17). За это время писатель отправил несколько телеграмм, в которых передал официальную информацию, но посещение позиций и нахождение в бою на него явно оказали большее впечатление, нежели позволяет судить дневник.

В статье, написанной по свежим впечатлениям, Осоргин выступил с пацифистским манифестом: «Нет, я чувствую лишь ужас перед войной и перед жизнью, требующей массового

кровапролития». Он ярко обрисовал обреченный настрой находящихся в окопах, картины гибели и ранений и заключил, что красота боя бывает «лишь в поэтических вымыслах» тех, кто далек от фронта. Возвращаясь с позиций, писатель попал под обстрел и вместе с ординарцем и английским коллегой плутал в темноте (*Осоргин, 1912p*). Несмотря на такие приключения, позже он написал об этом эпизоде: «А какие же впечатления? Жутко и глупо – вот и все» (*Осоргин, 2007, с. 230*).

Описание увиденного им боя за Юрушские высоты под Адрианополем вышло уже тогда, когда Осоргин покинул Мустафа-пашу. 1 ноября он получил телеграмму от редакции, что его миссия корреспондента окончена (РГАЛИ. Ф. 1464. Оп. 2. Ед. хр. 29. Л. 20–21). В тот же день он написал статью для журнала «Вестник Европы», где развернуто подвел итоги своим впечатлениям (*Осоргин, 1912m*), и текст для «Русских ведомостей». В последнем он в очередной раз пожаловался на скуку, окружавшую его в «грязном турецком городке» – дни казались «бесконечными, часы утомительными и минуты несчитанными» (*Осоргин, 1912v*).

Перед отъездом он посетил госпитали Александровской и Евгеньевской общин русского Красного Креста (*Осоргин, 1912f*) и отправился в Софию, где пробыл до первых чисел декабря. За это время он написал для «Русских ведомостей» ряд статей. В одной из них он рассказал о встреченных русских гимназистах, сбежавших из дому, чтобы сражаться в болгарской армии (*Осоргин, 1912g*). Подобные персонажи упоминаются и другими русскими корреспондентами [Гусев, 2023, с. 67], правда, в отличие от коллег, Осоргин в целом был скептичен по отношению к русским добровольцам в Болгарии (РГАЛИ. Ф. 1464. Оп. 2. Ед. хр. 29. Л. 20).

Еще одну статью писатель посвятил находящимся в болгарской столице госпиталям русского Красного Креста (*Осоргин, 1912h*) и в трех текстах уделил внимание царящим в Софии ожиданиям подписания мира (*Осоргин, 1912b, 1912d, 1912o*). В дневник 24 ноября он занес запись, говорящую о его настроениях после увиденного и пережитого. «Житие самое бессмысленное. Это в России воображают, что мы здесь “имеем счастье присутствовать при великих событиях”» (РГАЛИ. Ф. 1464. Оп. 2. Ед. хр. 29. Л. 21–22).

Затем же он уехал в Белград, откуда написал одну статью про местные настроения и ожидания войны с Австро-Венгрией. Там Осоргин в том числе подвел горький итог работе своих коллег: «Кровавая жестокая балканская война, попав в историю, будет нуждаться в иллюстраторах беспощадных. Признаемся: до их ее бытописатели были слишком снисходительны и, правда поневоле, не беспартийны» (*Осоргин, 1912a*). Из Сербии писатель вернулся в Италию⁵ и в январе уже освещал внутреннюю повестку этой страны, рассуждал о грядущей в России амнистии (*Осоргин, 1913a, 1913c*). В 1913 г. он лишь единожды обратился к теме войны – в статье в «Вестнике Европы» об увиденном им на Балканах насилии (*Осоргин, 1913b*). В апреле 1913 г. болгарские власти планировали наградить корреспондентов за их заслуги по освещению болгарских побед, в соответствии с которыми сотрудников прессы разделили на три категории. Осоргин был указан во второй (ЦДА. Ф. 176К. Оп. 2. А. е. 1482. Л. 6 об.). Однако Межсоюзническая война нарушила эти планы и упоминаний о награждении кого-то из списков найти не удалось.

Упаднические настроения и упоминания скуки в корреспонденции и дневнике Осоргина вполне объяснимы. Он ехал на Балканы с миссией: «Чуждым был нам, людям молодых поколений, славянский вопрос и редко наша блуждающая мысль останавливалась на Ближнем Востоке. <...> Мы ехали сюда с сердцем открытым и с глубокой, братской симпатией к тем, кто борется за жизнь и свободу братьев». Он мечтал не написать хронику, а рассказать миру о подвиге славян, но гнет цензуры облил корреспондентов «холодным душем практичности и благоразумия» (*Осоргин, 1912v*). В этом плане писатель прошел общей для всех иностранных корреспондентов дорогой страданий. До фронта допустили только нескольких, из них трое представляли российские газеты. И даже один из них, находившийся в привилегированном положении Вас. И. Немирович-Данченко назвал болгарских генералов «близорукими и односторонними», запретами отнявшими «у своего народа счастье быть оцененным и вознесенным на невиданную высоту» (*Немирович-Данченко, 1913, с. 210–211*). Понятное дело, что у запертого то в одном, то в другом небольшом городке Осоргина душевный порыв гасился о стену цензуры. Хо-

тя, надо признать, что возможность посетить бои предоставлялась далеко не всем, и тут ему было грех жаловаться.

Динамика настроения от воодушевления до равнодушия хорошо прослеживается и по тону дневника, и по темам записей в нем. Дневник начат в Софии в день обнародования манифеста об объявлении войны. Сперва Осоргин фиксировал события, свои догадки о происходящем. После же переезда в Мустафа-пашу в середине октября 1912 г. акцент сместился на внутренние переживания, небольшие зарисовки, не имевшие информационной значимости. На эту трансформацию потребовалось всего десять дней. Столь скоротечно и велико оказалось обескураживающее столкновение с действительностью, где никто не ждал Осоргина с его миссией. Он был одним из десятков иностранцев, от которых старались скрыть неприглядную изнанку войны.

Корреспонденция Осоргина тоже была довольно типична. Он затрагивал темы, характерные для остальных. Указывал на популярность войны (*Осоргин, 1912с, 1912k*), народный характер армии (*Осоргин, 1912е, 1912r*), опасность для славянства европейского вмешательства в события на полуострове (*Осоргин, 1912s*), говорил о схожести и близости России и Болгарии (*Осоргин, 1912е, 1912t*), поэтическом характере сербов и практическом – болгар (*Осоргин, 1912q*) и др. Даже взятие первой турецкой крепости Лозенграда он описал, как и другие, чрезмерно масштабно и значимо (*Телеграммы, 1912b*). Его отличали лишь менее бравурная интонация да несколько антивоенных высказываний.

От того еще более удивительно появление его статьи «О балканских “зверствах”». В ней он выступил «иллюстратором беспощадным» и обратился к теме, тогда практически табуированной – насилию не турок, а православных народов. Он привел ряд фактов и даже заявил о наличии у него фотографии казни болгарскими турками⁶, он рассказал об общем ожесточении к противнику, охватывающем даже медиков. В оправдание жестокости Осоргин указал на то, что «сошлись с оружием в руках народности, всегда жившие бок о бок, всегда враждовавшие, перепутанные взаимоотношениями и историческим прошлым» для решения судьбы «всего Балканского полуострова, всего славянства и всего мусульманства» (*Осоргин, 1913b, с. 322*). В русской прессе в то время эту тему старательно обходили, отделяясь общими заявлениями подобно Е. Н. Чирикову: «Эта война одна из самых жестоких и бесчеловечных, в чем повинны в одинаковой мере обе воюющие стороны» (*Чириков, 1913, с. 139*). Остальные лишь замечали то, что хотели или могли заметить. Полноценно данную тему осмеливались поднимать лишь социалисты. Особенное ей внимание уделил Л. Д. Троцкий, в ходе полемики на страницах газет обвинивший других русских корреспондентов в укрывательстве военных преступлений (*Троцкий, 2011, с. 193–224*).

Но еще более важно упоминание в этой статье Осоргина насилия сербов и греков над мирным болгарским и еврейским населением. А это уже не укладывалось в логику мести вековым поработителям-туркам. Писатель привел случаи насильственной сербизации населения Македонии и констатировал, что идет «призрак раздоров междоусобных» (*Осоргин, 1913b, с. 326*). Уже буквально через несколько месяцев его оценки будут подтверждены, а приведенные им случаи станут широко освещаться и дополняться новыми. Балканский союз затрещит по швам из-за внутренних разногласий, и Осоргин окажется одним из первых, кто указал, что конфликт союзников проявляется не только в публичной риторике, но и в терроре по отношению к иноэтничному населению.

Впрочем, на последующие события он уже не откликнулся своими текстами. Летом 1913 г. в «Вестнике Европы» он писал не о братоубийственной войне, фрустрировавшей русское общество, а о грызне русских политических эмигрантов на съезде в Риме (*Осоргин, 1913d*).

Михаил Андреевич Осоргин – типичный русский корреспондент в Болгарии, охваченный общим воодушевлением от начала эпохальных событий Первой балканской войны. В отличие от большинства коллег, он сумел не впасть в крайности прославянской риторики и не скатиться к духоподъемным вымышленным историям. Но он прошел общей дорогой иностранных журналистов, которым давали видеть то, что нужно, и писать то, что можно. Однако его случай является уникальным – это единственный корреспондент, оставивший не только статьи в газетах, поздние воспоминания, но и личный дневник. Благодаря этому, мы можем лучше понять, в ка-

ких условиях создавался информационный фон, готовивший русское общество к вступлению в Первую мировую войну.

Примечания

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01062 «Балканская распря 1912–1913 гг. и русское общество», <https://rscf.ru/project/23-28-01062>.

² А определенные неточности в них очевидны. Так, в одном из произведений он пишет: «Когда же Адрианополь пал, мы потолкались и поликовали в Софии, куда вернулись с поля побед Фердинанд и Немирович-Данченко» (*Осоргин*, 2007, с. 690). Однако в действительности и Осоргин, и Вас. И. Немирович-Данченко покинули Болгарию в декабре 1912 г., а Адрианополь пал в марте 1913 г., когда никто из них в Софии не находился. Там же он пишет, что в Белграде играл в шахматы с Л. Д. Троцким (Там же, с. 690), а в другом рассказе – что пересекался с будущим наркомом в Софии (Там же, с. 341).

³ В дальнейшем в «Русских ведомостях» продолжали публиковаться телеграммы от корреспондента из Софии, но по заведенному порядку они были анонимными. Телеграммы Осоргина всегда сопровождались подписью.

⁴ Он у местных властей каждый день требовал водку якобы для Осоргина, заявляя, что русский без этого не может (*Осоргин*, 2007, с. 527).

⁵ Сохранилось письмо Осоргина в редакцию «Русских ведомостей», в котором он сообщил, что хочет «пробыть подольше в Софии, т.к. здесь, по-видимому, очень интересно. Затем, если удастся – в Константинополь». И только потом он планировал заняться «посерьезнее Сербией; сейчас не в силах был остаться в Белграде, там сейчас никого нет, тоска» (РГАЛИ. Ф. 1701. Оп. 2. Ед. хр. 288). Однако данное письмо не датировано, и неизвестно, к какой из поездок относится. Ни в 1911 г., ни в 1912 г. путешествия по такому маршруту он не осуществил.

⁶ В РГАЛИ хранится подборка фотографических снимков, отложившихся у Осоргина по итогам этой поездки на Балканы (РГАЛИ. Ф. 1464. Оп. 2. Ед. хр. 124).

Список источников

Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 1464. Оп. 2. Ед. хр. 29; Ед. хр. 124; Ф. 1701. Оп. 2. Ед. хр. 288.

Централен държавен архив на Република България (ЦДА). Ф. 176К. Оп. 2. А. е. 1482.

Мамонтов Н.П. С болгарскими войсками от Балкан до Чаталджи. М.: Т-во тип. А.И. Мамонтова, 1913. 175 с.

Немирович-Данченко Вас.И. Собрание сочинений. СПб.: Самообразование, 1913. Т. XIV. 260 с.

Осоргин М. Заметки старого книгоеда. Воспоминания. М.: Интелвак, 2007. 800 с.

Осоргин М.А. Акт забвения // Русские ведомости. 1913а. 22 января.

Осоргин М.А. Белградские туманы // Русские ведомости. 1912а. 16 декабря.

Осоргин М.А. Будет ли мир // Русские ведомости. 1912b. 7 декабря.

Осоргин М.А. В тылу армии // Русские ведомости. 1912c. 27 октября.

Осоргин М.А. Военные настроения // Русские ведомости. 1912d. 9 декабря.

Осоргин М.А. Времена: автобиографическое повествование. Романы. М.: Современник, 1989а. 621 с.

Осоргин М.А. Гимназисты-добровольцы // Русские ведомости. 1912e. 27 ноября.

Осоргин М.А. Заметки старого книгоеда. М.: Книга, 1989b. 287 с.

Осоргин М.А. Из окна // Русские ведомости. 1911а. 29 июня.

Осоргин М.А. Интервью в больнице // Русские ведомости. 1911b. 30 июня.

Осоргин М.А. К раненым // Русские ведомости. 1912f. 13 ноября.

Осоргин М.А. К русским врачам // Русские ведомости. 1912g. 11 октября.

Осоргин М.А. Красный Крест в Болгарии // Русские ведомости. 1912h. 29 ноября.

Осоргин М.А. На войну // Русские ведомости. 1912i. 2 октября.

Осоргин М.А. На линию боя // Русские ведомости. 1912j. 31 октября.

Осоргин М.А. Накануне // Русские ведомости. 1912k. 7 октября.

Осоргин М.А. О балканских «зверствах» // Вестник Европы. 1913а. № 2. С. 311–326.

Осоргин М.А. Опять война // Русские ведомости. 1912l. 28 сентября.

Осоргин М.А. Орлы парящие // Русские ведомости. 1913b. 16 января.

Осоргин М.А. Отрывки военных впечатлений // Вестник Европы. 1912m. № 12. С. 299–310.

Осоргин М.А. Перед выступлением // Русские ведомости. 1912n. 9 октября.

- Осоргин М.А. Перед миром // Русские ведомости. 1912о. 1 декабря.
Осоргин М.А. Под артиллерийским огнем // Русские ведомости. 1912р. 6 ноября.
Осоргин М.А. Последняя задержка // Русские ведомости. 1912q. 12 октября.
Осоргин М.А. Путевые наброски. Из Софии на конгресс // Русские ведомости. 1911с. 3 июля.
Осоргин М.А. Русские эмигранты и «римский съезд» // Вестник Европы. 1913d. № 7. С. 283–299.
Осоргин М.А. С войны // Русские ведомости. 1912r. 13 октября.
Осоргин М.А. С войны // Русские ведомости. 1912s. 20 октября.
Осоргин М.А. С войны. В главную квартиру // Русские ведомости. 1912t. 17 октября.
Осоргин М.А. С войны. В Старой Загоре // Русские ведомости. 1912и. 19 октября.
Осоргин М.А. С войны. Под Адрианополем // Русские ведомости. 1912v. 10 ноября.
Осоргинская конференция [Электронный ресурс] / Ин-т филол. образования и межкультурных коммуникаций. URL: <https://bspu.ru/unit/41/news/6048> (дата обращения: 21.03.2024).
Телеграммы // Русские ведомости. 1912a. 6 октября.
Телеграммы // Русские ведомости. 1912b. 14 октября.
Троцкий Л. Перед историческим рубежом. Балканы и балканская война. СПб.: Новый Прометей, 2011. 478 с.
Чириков Е.Н. Поездка на Балканы. Заметки военного корреспондента. М.: Моск. книгоизд-во, 1913. 146 с.

Библиографический список

- Богданова Е.М. «Русские ведомости»: социально-этический аспект публицистики 1900–1918 гг.: на примере публикаций П.Д. Боборыкина и М.А. Осоргина: дис. ... канд. филол. наук. СПб.: Изд-во С.-Петербур. гос. ун-та, 2013. 176 с. EDN: SUOFBL.
Гусев Н.С. «Никогда не наблюдался такой прилив желающих идти добровольцами на защиту славянства». Русские добровольцы в Болгарии во время Балканских войн 1912–1913 гг. // Военно-исторический журнал. 2023. № 12. С. 62–71. EDN: ORSVEL.
Гусев Н.С. Болгария, Сербия и русское общество во время Балканских войн 1912–1913 гг. М.: Индрик, 2020. 520 с.
Лобанова Г.И. Эволюция нравственного сознания «маленького человека» в романах М. Осоргина 1920–1930 годов: дис. ... канд. филол. наук. Уфа: Изд-во Башкир. гос. ун-та, 2002. 172 с. EDN: QDRMBZ.
Михаил Осоргин и вечные ценности русской культуры: материалы науч.-практ. конф. / под науч. ред. В.А. Кандалова. Пермь, 2003. 83 с.
Михаил Осоргин: жизнь и творчество: материалы первых Осоргинских чтений / отв. ред. В.В. Абашев; Перм. ун-т. Пермь, 1994. 128 с.
Михаил Осоргин: художник и журналист / ред.-сост. В.В. Абашев; Перм. ун-т. Пермь, 2006. 232 с.
Нестерова Н.В. Балканы 1911–1912 гг. глазами М.А. Осоргина // Проблемы славяноведения / отв. ред. С.И. Михальченко. Брянск: Изд-во Брянск. гос. ун-та им. Петровского, 2004. Вып. 6. С. 364–367.
Нестерова Н.В. Общественно-политические взгляды и деятельность М.А. Осоргина: дис. ... канд. ист. наук. Брянск: Изд-во Брянск. гос. ун-та им. Петровского, 2009. 220 с. EDN: NQRCPL.
С двух берегов. Русская литература XX века в России и за рубежом / ред. Р. Дэвис, В.А. Келдыш. М.: ИМЛИ РАН, 2002. 824 с.
Семенов В.Л. Этика М.А. Осоргина. Пермь: Изд. П.Г. Богатырев, 2003. 262 с.

Дата поступления рукописи в редакцию 26.03.2024

M. A. OSORGIN – CORRESPONDENT OF THE RUSSIAN VEDOMOSTI IN BULGARIA IN 1912

N. S. Gusev

Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, Leninsky Prospekt 32-A, Moscow, 119334, Russia
kingusevns@yandex.ru
Researcher ID: T-4935-2017
SPIN: 9610-7186

In the autumn of 1912, Bulgaria, Serbia, Greece and Montenegro declared war on the Ottoman Empire – the First Balkan War broke out. This caused a great resonance in Russia, and many newspapers and magazines sent their correspondents to the peninsula. One of them was the famous writer Mikhail Osorgin, an employee of the *Russian Vedomosti* newspaper. Already in September 1912, through Serbia, he arrived in Bulgaria, where he intended to witness historical events on a global scale. However, the reality turned out to be different – strict censorship restrictions placed journalists in an information vacuum. Osorgin was with his colleagues in several frontline cities, but he saw the front once. The work examines the writer's movements around the peninsula, provides details of everyday life, and demonstrates the writer's views on the war. The article is based on two sources that were first introduced into scientific circulation – Osorgin's articles and telegrams published in *Russian Vedomosti* in 1912, as well as the writer's archival personal diary, which he kept during the trip. They are complemented by later memoirs and articles in the journal *Bulletin of Europe* of that time. Such a set of diverse sources made it possible to reveal the degree of the author's frankness in his publications, as well as for the first time accurately trace the trip and correct the shortcomings of his predecessors, who relied only on Osorgin's fictionalized memoirs. Of particular importance is the fact that this diary is the only discovered document of its kind, created by a Russian correspondent in Bulgaria during the First Balkan War. Using the example of Osorgin's trip, one can trace the real working conditions of press representatives who actively influenced public sentiment in Russia in the autumn of 1912.

Key words: Mikhail Osorgin, Balkan Wars, Bulgaria, military journalism, Russian Vedomosti, Slavic idea.

Acknowledgments

¹ The research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation № 23-28-01062 “The Balkan Strife of 1912-1913 and Russian society”, <https://rscf.ru/project/23-28-01062/>

References

- Abashev, V. V. (Ed.). (1994). *Mikhail Osorgin: Zhizn' i tvorchestvo* [Mikhail Osorgin: Life and work]. Perm'skiy gosudarstvennyy universitet.
- Abashev, V. V. (Ed.). (2006). *Mikhail Osorgin: Khudozhnik i zhurnalist* [Mikhail Osorgin: Artist and journalist]. Perm'skiy gosudarstvennyy universitet.
- Bogdanova, E. M. (2013). «*Russkie vedomosti*»: sotsial'no-eticheskiy aspekt publitsistiki 1900–1918 gg.: na primere publikatsiy P.D. Boborykina i M.A. Osorgina ["*Russkie Vedomosti*": The socio-ethical aspect of journalism in 1900–1918: On the example of publications by P.D. Boborykin and M.A. Osorgin] [Doctoral dissertation, Saint Petersburg State University].
- Davis, R., & Keldysh, V. A. (Eds.). (2002). *S dvukh beregov. Russkaya literatura XX veka v Rossii i za rubezhom* [From two shores: Russian literature of the twentieth century in Russia and abroad]. IMLI RAN.
- Gusev, N. S. (2020). *Bolgariya, Serbiya i russkoe obshchestvo vo vremya Balkanskikh voyn 1912–1913 gg.* [Bulgaria, Serbia and Russian society during the Balkan Wars of 1912–1913]. Indrik.
- Gusev, N. S. (2023). “Never before has there been such a surge of individuals seeking to volunteer and defend the Slavdom...”. Russian volunteers during the Balkan Wars of 1912–1913 in Bulgaria. *Voenno-istoricheskiy zhurnal*, 12, 62–71.
- Kandalov, V. A. (Ed.). (2003). *Mikhail Osorgin i vechnye tsennosti russkoy kul'tury* [Mikhail Osorgin and the eternal values of Russian culture]. Perm.
- Lobanova, G. I. (2002). *Evolutsiya nravstvennogo soznaniya “malen'kogo cheloveka” v romanakh M. Osorgina 1920–1930 godov* [The evolution of the moral consciousness of the “little man” in the novels of M. Osorgin in the 1920s and 1930s] [Doctoral dissertation, Bashkir State University].
- Nesterova, N. V. (2004). The Balkans of 1911–1912 through the eyes of M.A. Osorgin. In S. I. Mikhal'chenko (Ed.), *Problemy slavyanovedeniya* [Problems of Slavic Studies] (Vol. 6, pp. 364–367). Bryanskiy gosudarstvennyy universitet.
- Nesterova, N. V. (2009). *Obshchestvenno-politicheskie vzglyady i deyatelnost' M.A. Osorgina* [Socio-political views and activities of M.A. Osorgin] [Doctoral dissertation, Bryansk State University].
- Semenov, V. L. (2003). *Etika M.A. Osorgina* [Ethics of M.A. Osorgin]. Bogatyrev P.G.